

Научная статья

УДК 398.22(=512.37)

DOI 10.25587/2782-4861-2025-4-151-160

СИМВОЛИКА ЕЖА В ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЕ КАЛМЫКОВ РОССИИ И ОЙРАТОВ МОНГОЛИИ И КИТАЯ

Д. В. Убушиева

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия

e-mail: bib.danara@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются архаические элементы традиционной свадьбы калмыков России и ойратов, проживающих в Китае и Монголии, связанные с фольклорно-мифологическими представлениями о еже, в которых ёж является основателем брачных отношений. Изучение фольклора народов, которые имеют богатую историю и уникальные традиции, способствует сохранению их культурного наследия. В условиях глобализации и доминирования массовой культуры, исследование устной традиции становится особенно актуальным для понимания и сохранения этнической самобытности. Исследование фольклора в контексте современных реалий позволяет выявить, как традиционные жанры адаптируются к новым условиям. В таком ракурсе данный вопрос исследуется впервые, что обуславливает новизну данного исследования. Цель исследования – изучение мифо-ритуальной стороны традиционной свадьбы, которая связана с образом ежа. Основным материалом исследования послужили имеющиеся фольклорные и полевые образцы калмыков России и ойратов Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая (далее – СУАР), записанные как в конце XIX в., так и в настоящее время. Для выявления типологических параллелей были привлечены отдельные сведения народов Южной Сибири и маньчжуров. С помощью структурно-семантических и сравнительно-типологических методов проанализированы и реконструированы мифологические представления с многовековыми наслоениями, хранящими культурные коды народа. **Результаты.** Установлено, что образ ежа в устной традиции калмыков коннотирует с семейно-родовыми обычаями и свадебной обрядностью, что мифо-ритуальный комплекс, связанный с ежом, свидетельствует о некогда единых представлениях калмыков России, ойратов Западной Монголии и СУАР Китая. Показано, что в современных свадебных обрядах калмыков присутствует обязательный элемент – это цветные ленты-подвески (*өлгү*), символизировавшие испрашиваемую душу ребенка, которые невеста привозит с собой в дом жениха, но мифо-ритуальный смысл данного рудимента, описанный в предании о еже и в комментариях собирателя И. И. Попова, утрачен. Опоясывание черно-белым волосяным поясом (*хошлң*) новой юрты для молодой семьи является неотъемлемой частью свадебного обряда ойратов Западной Монголии и СУАР Китая. **Выводы.** Исследование позволило выявить единые мифо-ритуальные представления о еже, как о культурном герое, обладающем даром антиципации и являющемся миксантропической фигурой; определить общие корни архаического элемента свадебной обрядности калмыков и ойратов – цветных лент-подвесок «өлгү», черно-белого пояса юрты (*хошлң*) и проследить их трансформацию в новых реалиях.

Ключевые слова: калмыки России; ойраты Западной Монголии и СУАР Китая; предания; сказки; еж; традиционная свадьба; ленты-подвески (*өлгү*); черно-белый пояс юрты (*хошлң*); ритуал; род; семья

Для цитирования: Убушиева Д. В. Символика ежа в традиционной свадьбе калмыков России и ойратов Монголии и Китая. *Эпосоведение*. 2025;4(40):151–160. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-151-160>.

Original article

Symbolism of the hedgehog in traditional wedding of the Kalmyks of Russia and the Oyrats of Mongolia and China

Danara V. Ubushieva

B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia

e-mail: bib.danara@yandex.ru

Abstract. The article examines the archaic elements of the traditional wedding of the Kalmyks of Russia and the Oirats living in China and Mongolia, which are associated with folklore and mythological representations of the hedgehog, where the hedgehog is the founder of marriage. The study of folklore among peoples with rich histories and unique traditions contributes to the preservation of their cultural heritage. In the context of globalization and the dominance of mass culture, the study of oral traditions becomes particularly relevant for understanding and preserving ethnic identity. The study of folklore in the context of modern realities allows us to identify how traditional genres adapt to new conditions. This is the first time this issue has been studied from this perspective, which makes this research novel. The purpose of this research was to study the mythological and ritual aspects of traditional weddings that are associated with the image of the hedgehog. The study is based on available folklore and field samples of the Kalmyks of Russia and the Oirats of Western Mongolia and the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China, recorded both in the late 19th century and in the present day. To identify typological parallels, individual information from the peoples of Southern Siberia and the Manchus was also used. Using structural-semantic and comparative-typological methods, the author analyzes and reconstructs mythological representations with centuries-old layers that preserve the cultural codes of the people. Results. It was established that the image of the hedgehog in the oral tradition of the Kalmyks is associated with family and clan customs and wedding rituals, and that the mythological and ritual complex associated with the hedgehog reflects the once-united beliefs of the Kalmyks of Russia, the Oirats of Western Mongolia, and the Xinjiang Uyghurs of China. It was that the modern wedding rituals of the Kalmyks include a mandatory element: colored ribbon pendants (*ölgs*), which symbolized the requested soul of a child, which the bride brings with her to the groom's house. However, the mythological and ritual significance of this vestige, as described in the legend of the hedgehog and in the comments of the collector I. I. Popov, has been lost. The girding of a new yurt for a young family with a black-and-white hair belt (*khoshlq*) is an integral part of the wedding rite of the Oirats of Western Mongolia and China. Conclusions. The study revealed common mythological and ritual representations of the hedgehog as a cultural hero with the gift of anticipation and a mixanthropic figure; it also identified the common roots of the archaic element of the wedding rituals of the Kalmyks and Oirats, such as the colorful ribbons called "*ölgs*" and the black and white belt of the yurt (*khoshlq*), and traced their transformation in the new realities.

Keywords: Kalmyks of Russia; Oirats of Western Mongolia and XUAR of China; legends; fairy tales; hedgehog; traditional wedding; suspension ribbons (*ölgs*); black and white belt (*khoshlq*); ritual; clan; family

For citation: Ubushieva, D. V. Symbolism of the hedgehog in traditional wedding of the Kalmyks of Russia and the Oyrats of Mongolia and China. *Eposovedenie*. 2025;4(40):151–160 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-151-160>.

Введение

В статье рассматриваются архаические элементы традиционной свадьбы калмыков России и ойратов, проживающих в Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики, связанные с фольклорно-мифологическими представлениями о еже, в которых ёж является основателем брачных отношений. Актуальность и новизна исследования заключается в том, что изучение фольклора, уникальных традиций, этнической самобытности способствует сохранению культурного наследия народов, в условиях глобализации и доминирования массовой культуры. Цель исследования – изучение мифо-ритуальной стороны традиционной свадьбы, связанной с образом ежа. Данная тема является малоизученной в

калмыцкой и ойратской фольклористике. Символике ежа в ойратском и калмыцком фольклоре посвящены лишь две статьи Т. Г. Басанговой [1] и Д. В. Убушиевой [2].

В отечественной филологической науке существуют отдельные работы, посвященные образу ежа. Символика ежа и приметы, связанные с ежом в славянской традиции описаны А. В. Гурой [3]. Мифология ежа в балтобалканском ареале была рассмотрена Д. Разаускас и Т. В. Цивьян, исследователи выявили связь с солярным культом [4]. В бурятской фольклористике Б. С. Дугаровым рассмотрен образ Заряя Азарги как основной действующий персонаж в небесном прологе прозаических сюжетов о Гэсэре [5].

Материалом исследования послужили имеющиеся фольклорные и полевые образцы калмыков России и ойратов Западной Монголии и СУАР КНР, записанные как в конце XIX в., так и в настоящее время. Для выявления типологических параллелей были привлечены отдельные сведения народов Южной Сибири и маньчжуров. С помощью структурно-семантических и сравнительно-типологических методов проанализированы и реконструированы мифологические представления с многовековыми наслоениями, хранящими культурные коды народа.

Более 400 лет назад ойраты, предки калмыков, разделились на три части, и фольклорная традиция стала существовать независимо друг от друга в разных социальных и политических условиях, в различном этническом и конфессиональном окружении. Ойраты, проживающие в СУАР КНР и Западной Монголии, сохраняют традиционный уклад жизни кочевников и находятся между собой в соседстве и тесном контакте. Калмыки России в этом отношении оказались в изоляции от близкородственных народов, их культурные традиции в большей мере претерпели трансформацию. Но фольклорно-этнографические материалы, зафиксированные в конце XIX – начале XX вв., демонстрируют консервацию архаических воззрений калмыков. Современные реалии позволяют проследить их адаптацию, порой проявляющуюся на уровне генетической памяти.

Архаические представления калмыков и ойратов о еже

Как известно «в мифах калмыков и ойратов Синьцзяна одним из культурных героев является Ёж – Зара – персонаж зооморфного происхождения, он – создатель брачных отношений среди калмыков» [1, с. 34–37]. Также установлено, что «свадебная обрядность калмыков до сих пор хранит рудименты ритуального комплекса – ленты-подвески (өлгц), символизирующие испрашиваемую душу ребенка, но утратила такой важный элемент как черно-белая крученая волосная веревка, пояс юрты (хошлц), которым в свадебной обрядности опоясывали юрту новобрачных [2, с. 397–398].

Приведем текст и перевод предания *«Zarai cecenî yosu zāqasanai tūji»* («Предание о еже мудром, указавшем обычай»): *11 (12) kezēnē xalimaq amitan cob cuyar töröl törsōn geji xalil ügei egeci dūgēn geji (13) xalil ügei eme keged baidaq baiji: tere zamandu zarai cecenîgi (14) nāru geji: zarai cecen ireji: zarai cecen ese selbeq suruba ulan 11o6 (1) zalātai xalimaq amitan: zarai kelebei: köl köl maxan abād kökōr kökōr arkīn abād (2) erēn cōxurān büseleqtün: elge burūyān abuqsan: nōkōr naidnūr boluqtun: mal adūsunla (3) adali bičigei baiqtun: ene tani yūsun biši:*¹ – ‘В давние времена в калмыцкий народ, не признавая родственных отношений, женились, не обращая внимания на то, что они являются [кровными] сестрами и братьями. В те времена пригласила ежа мудрого. Ёж мудрый прибыл. Стали калмыки, [носившие на головных уборах] красные кисточки, просить совета у ежа мудрого. Ёж мудрый сказал: «Взяв ножку мяса, взяв бурдюк араки, опоясывайте пёстрым, рябым, взяв не родственниц, становитесь супругами. Не уподобляйтесь скотине. Это не ваш обычай»².

Из сюжета предания мы видим, что образ ежа сопровождают символические элементы, как Солнце, огонь, плод, род, семья, а также ленты-подвески (өлгц) и крученая волосная веревка/пояс (хошлц) для опоясывания юрты. Т. И. Шараева, описывая обряды жизненного цикла

¹ ГАРО. СИФ. № 13809. Л. 11r–11v.

² Здесь и далее перевод автора статьи.

калмыков, отмечает, что «калмыки большое значение придавали совершаемому невестой ритуалу подношения “өлгү”, связанному с рождением детей: локализация *өлгү* в прошлом на семейном алтаре или в изголовье супругов указывает на их прямое назначение – испрашивание покровительства у духов предков, в частности, испрашивание чадородия» [6, с. 22–23].

Полагаем, что у ойратов существовал некогда единый комплекс мифо-ритуальных представлений о семейно-родовых традициях, о свадебной обрядности, имплицитно сохранившийся в преданиях о культурном герое еже у калмыков России, ойратов Синцзяна КНР и более того все еще бытующий у торгутов Западной Монголии.

Так, по устным свидетельствам и по опубликованным экспедиционным материалам [7] мы наблюдаем реальное применение и практические знания, передающиеся из поколения в поколение, о свадебной обрядности, которая зафиксирована в калмыцком предании о еже.

Г. Дорджиева и Д. Гедеева, описывая традиции торгутов Булган сомона Ховдского аймака Западной Монголии, пишут, что «свадьбы обычно проводятся в начале осени. В благоприятный день семья невесты прибывает со священной белой пищей, в том числе с молочной водкой (*ärk*), сыром (*bäslg*), сушеным творогом (*aarul*), а также нитками, веревками, тканями и другими принадлежностями для изготовления верхней и наружных покрытий *ишкэ-гер* (войлочного дома). Одним из самых замечательных ритуалов является совместное строительство нового дома для молодой пары, которое предшествует свадебным торжествам на несколько дней. Родственники жениха начинают этот процесс с постройки основных деревянных элементов дома, включая *терме* (каркасы), *харач* (круглое верхнее отверстие) и *унин* (столбы, поддерживающие верхнее кольцо). Родственники с обеих сторон вместе занимаются раскроем, шитьем и установкой войлочных покрытий для нового дома. Эти совместные усилия завершаются строительством дома в течение одного дня, и этот процесс обогащается накопленным опытом, практическими знаниями, любовью и совместной заботой старших членов семьи» [7, с. 11–13].

Иллюстративный ряд (фото 14) демонстрирует верхнюю часть стены юрты (решетки), возводимой для новобрачных, по которой с внешней стороны протянут черно-белый пояс, затем он закрывается верхним пологом, а пояс остается виден с внутренней стороны юрты [7, с. 12]. К сожалению, в исследовании не отмечена символика данного свадебного атрибута, мы полагаем, что она схожа с мыслью предания о еже калмыков.

Обращение к столь древним воззрениям позволяет нам провести параллель с маньчжурскими представлениями о генеалогии. Так, В. И. Рассадин, занимавшийся сравнительным изучением монгольской и тунгусо-маньчжурской лексики, писал о том, что наличие общих слов и элементов в языках «свидетельствуют в пользу предположения об общем происхождении этих двух групп языков и длительных контактах их носителей после распада общности» [8, с. 150].

Возможно, эта черно-белая крученая волосяная веревка из калмыцкого предания о еже является столь же архаическим представлением, как и особая бечева – воплощение богини Омоси. В маньчжурском шаманизме существовало божество Омоси мама (бабушка внучат), заведующая распределением душ между людьми. У маньчжур она была самым почитаемым божеством, так «в северо-западном углу внутренней, западной комнаты каждого маньчжурского дома непременно была протянута особая бечева – воплощение богини. Эта бечева служила примитивной генеалогической схемой: расстояние между подвешенными на нее двумя лопаточными костями домашнего животного считалась за одно поколение; маленький лук со стрелами означал, что в семье был сын, ставший воином, деревянная лопатка указывала на земледельца, монетка – на торговца, а лоскуток материи говорил о том, что в семье родилась девочка. Как только в доме появлялась молодая жена, на бечевку привешивали маленькую колыбельку» [9, с. 344].

Нами обнаружены и лексико-семантические параллели с маньчжурским языком, которые снова связаны с ежом. В «Полном маньчжурско-русском словаре», составленном И. Захаровым в 1875 г., обнаруживаем два значения лексемы *сэнгэ* – 1. старый, пожилой, почтенный старик, 60-ти летний старец (о людях пожилых и образованных), старшина; 2. ёж – зверек [10, с. 576].

Вызывает интерес то, что и в калмыцком фольклоре ёж ассоциируется со стариком: *bābyur öbögön šoboγur jidetei:: zarā::*³ ‘Лохматый старик с острым копьём? Ёж’; *Түгдһр өвгн түмн зүүтә (Запа)* ‘Сутулый старик с десятью тысячами игл (Ёж)’⁴.

В синьцзян-ойратском мифе «*Zarā yaγaǰi bui boluqsan bui*» («Как появился ёж»), опубликованном в книге «Сборник народных сказок монголов Синьцзяна КНР» [11, с. 144], также видим превращение старика в ежа, но с наложением буддийских мотивов. Приведем краткий пересказ сюжета: в давние времена жил бедный старик, который каждый день собирал карагану и носил ее на себе для продажи. Так он зарабатывал на пропитание. Однажды он встретился с Буддой⁵, который путешествовал по земле, наблюдая за тем, какие проблемы испытывают жители. Будда пожалел старика, несшего на спине карагану, и даровал ему золото и драгоценности, чтобы старик более не испытывал нужды. Спустя три года Будда снова встретил этого старика, который все также нес на себе карагану. Тогда Будда снова одарил его золотом и драгоценностями. А встретившись в третий раз, старик, завидев Будду, спрятался под караганой, которую нес на себе. На этот раз Будда разозлился и превратил старика в ежа.

Возвращаясь к древним генеалогическим представлениям, отмечаем, что у *захчин* «четыре бабки (нижняя часть ноги) оленя нанизывались на сухожилия, вешались высоко на стену юрты и особо почитались. *Захчины* считали оленя символом роста, размножения» [12, с. 117].

По материалам тюрко-монгольских народов Южной Сибири основным значением ритуала поклонения Солнцу с использованием пестрой, рябой крученой волосяной веревки было испрашивание души (*сүлдэ*) ребенка. Как отмечают исследователи, «социализация индивида начинается даже не с момента рождения, а гораздо раньше – с пожелания молодоженам иметь много детей, и является частью свадебной символики» [13, с. 11].

Опираясь на данные представления, возможно, реконструировать архаические представления ойратов о ребенке, семье, роде, подтверждающиеся сохранившимися элементами в современной калмыцкой свадебной обрядности и бытующими среди ойратов Западной Монголии и СУАР КНР.

Ритуал опоясывания черно-белой крученой волосяной веревкой юрты для новобрачных сейчас утрачен калмыками, но свидетельства его бытования в недавнем прошлом зафиксированы И. И. Поповым. В комментариях к преданию о еже, установившем закон о брачных отношениях калмыков, он писал следующее: «предание говорит, что обычай делать эти черные продольные полосы на белой ткани берет свое начало с очень давних времен. А именно: до принятия буддизма, монгольские племена исповедовали шаманизм, обоготворяющий силы природы и даже животных» [14, с. 221–222].

В настоящее время одним из главных свадебных ритуалов калмыков является поклонение невесты (*бер мөргүлһн*) в доме жениха солнцу, божествам, огню-очагу, земным и водным *сякюсенам*, старейшинам рода, родителям жениха, а также поклонение *шаһа чимгнд* (большой берцовой кости задней правой ноги овцы) [15, с. 59–61].

Для обряда поклонения солнцу, помимо ритуальной еды, невеста привозит в дом жениха *ширдк* – матрасы, *өлгц* – состоящий из разноцветных лент/нитей рода жениха и белого отреза ткани небольшого размера, символизирующего, по всей видимости, женское начало⁶. Примечательно и то, что лексема *өлгц* имеет один корень со словом *өлгэ* – колыбель [16, с. 40]. «“Ольгце” вешают на головку решетки под бурханами. На него обращают внимание, так как неправильное сочетание цветов и неполучение его, по мнению калмыков, грозит большими бедствиями для данной семьи. По словам калмыков, “ольгце” берется для жертвы

³ Загадки донских калмыков в подлинном тексте и переводе. Собрал и записал И. И. Попов // Государственный архив Ростовской области. СИФ. № 13807. Л. 8г.

⁴ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б.Х. Тодаевой. Элиста, 2007. С. 784.

⁵ Букв. Бурхн багш.

⁶ У маньчжуров лоскут ткани символизировал рождение девочки [9, с. 344].

предкам. Получение этих ниток и материи указывает предкам, что невеста покинула своих родителей и окончательно стала членом семьи жениха» [17, с. 139].

Предположительно, сохранившиеся в современной действительности атрибуты калмыцкого свадебного обряда, а также те, что были утрачены не так давно, в целом аналогичны генеалогической схеме, состоящей из особой бечевы, являющейся воплощением богини, распределяющей души между людьми, и лопаточных костей домашнего животного, считавшихся частью одного поколения в этой родословной.

Особенное отношение калмыков к костям домашних и диких животных бесспорно. В недавнем прошлом бытовала традиция: «если новорожденный мальчик, варят заднюю ножку барана. После того, как сварится мясо, отделяют большеберцовую кость (*шага чимгн* – трубчатая кость с алычком). Она тщательно очищается от мяса и прячется родителями в сундук. Она считалась принадлежащей мальчику. Эта кость хранится долго, пока ее не потеряют случайно во время постоянных кочевок» [17, с. 95]. Другое поверье говорит о том, что семья, в которой есть сын обязательно должны собирать и хранить *шаһа, алычки* – бабки⁷.

Современные представления калмыков о еже

Ввиду изменений традиционного быта калмыков трансформировались и свадебные ритуалы. Так, калмыки уже не сооружают юрты и не опоясывают их черно-белым поясом, но одним из элементов современной свадебной обрядности является *көшиг ишклһн* (букв. ‘изготовление полога’), который заключается в приготовлении отдельного места в доме для новобрачных. Прибывшие в свадебной делегации две женщины привозят с собой множество атрибутов, в т. ч. подушку, чехол которой бывает украшен красивыми вышитыми узорами, а после церемонии увозят её обратно [18, с. 201–202]. Данная церемония, на наш взгляд, является трансформацией ритуала установки отдельной юрты для новой семьи.

Современный полевой материал также свидетельствует о связи ежа с детьми, который прослеживается порой лишь через генетическую память.

Так, по сообщению информанта, бульон из мяса ежа использовался в лечении беременных и исключительно в крайне тяжелых случаях, если беременной или ребенку грозила смертельная опасность. Посвятить на жизнь ежей у калмыков запрещено, но это лечение допускалось и было сравнимо с ритуалом *амна долъг* (букв. ‘выкуп жизни’). Со слов информанта, если женщина не могла зачать и родить ребенка, она носила с собой длинную красную нить, которую при встрече с ежом необходимо было накинуть ему на спину, что означало налаживание кровного родства. Для испрашивания ребенка производили особый ритуал погребения женской плаценты. К месту прикрепления пуповины к оболочке последа привязывали длинную красную нить и закапывали плаценту пуповиной вверх, при этом молились и зывали к предкам⁸.

По сведениям другого информанта, массируя внуков после сна, она использовала сказку «*зара, зара, тини, тини*» («ежик, ежик, расправься, выпрямись»), при этом поглаживая и растягивая им ручки и ножки, как это делали её родители. Объясняя смысл этих слов, она предположила, что форма ежа напоминала калмыкам человека (живое существо) в эмбриональной стадии, а его образ ассоциировался у них с мифологическим первотворением. Чувствуя опасность, ёж первым нападает на врага и впивается в него иголками. Эта особенность ежа нашла отражение в поэтической формуле из известного сказания «О поражении монголов дербен-ойратами»: *Дөрвөн өврд заран үсн, көрэн шүдн болжс дөрвөлжн теглиц бээдс* ‘Словно зубья пилы, или иглы ежа, сомкнутым строем в четыре угла вечно ойраты стоят’. Таким образом, можно допустить, что образу ежа, как эмбриону всего живого на земле, придается функция защиты жизни⁹.

Генетическая память хранит представления калмыков о еже, которые все еще связаны с детьми, с испрашиванием ребенка, и более того, снова упоминается нить.

⁷ Галина Номгонова – ж., 1930–2012 годы жизни, г. Элиста Республика Калмыкия.

⁸ Татьяна Шараева – ж., 47 л., г. Элиста Республика Калмыкия, 2025.

⁹ Евдокия Хабунова – ж., 71 г., г. Элиста Республика Калмыкия, 2025.

С 70–80-х гг. XX в. в Калмыкии существует буддийская община, называемая *мацгта эмгчүд* (женщины, соблюдающие пост и читающие молитвы). Традиции данной общины связаны с проведением домашних религиозных служб и обрядов в дни буддийского поста и праздников. Они собираются и нараспев читают молитвы, подносят пищу божествам, а также предкам, произносят благопожелания, принимают посты. Молебны проводятся в дни поста – 8, 15, 30 лунные дни и в дни больших праздников – *Зул*, *Цаган сар*, *Үрс сар*. Так, в 90-е г. в преддверии праздника *Үрс сар* они выезжали к источнику, развешивали на дереве разноцветные ленточки и совершали обряд *ова тэклһн* (букв. ‘подношение ова’). При этом они находились в круге, очерченном крученой черно-белой веревкой/нитью с повязанными на нее разноцветными лентами, кусочками ткани. Эта веревка/нить была натянута на колышки/палочки высотой около 70–80 см.

Описание данного обряда приведено нами не случайно, как и закономерность используемых атрибутов. Так, изначально калмыцкий добуддийский праздник *Үрс Сар* был посвящен плодородию, во время проведения которого прослеживалось особое отношение к детям, к молодняку скота. *Үрс Сар* относится к архаическим обрядовым праздникам и тождественен с якутским *Ысыах* и бурятским *Ухаа Солбон*, которые посвящены Солнцу и плодородию [19]. М. Н. Хангалов описывает, что в тех увеселениях, которые следуют по вечерам после больших жертвоприношений, тайлганов, посвящений в шаманы и при призывании онгонов, призываются также онгоны животных, которые «изображаются в юмористическом виде и шутками забавляют присутствующих, прежде же, по всей вероятности, это появление имело иной характер и могло напоминать, например, Медвежий праздник айнов на Сахалине. Тут являются 1) Заря-Азарга, ёж, 2) Бабаган-онгон – медвежий онгон, 3) Тэхэ-онгон, козлийный, 4) Буха-онгон – бычий и 5) Бубе-онгон – овечий онгоны [20, с. 267–268].

Здесь следует отметить, что в бурятской мифологии небесный онгон Заря-Азарга (ёж) не имеет ни ног, ни рук, и ему обязаны появлением обычая проживания жены на территории мужа. Также ёж даёт мудрые советы по приручению быков к ярму, лошадей к седлу и узде [20, с. 267–268].

Заключение

Исторические события, изменившие образ жизни калмыков, трансформировали не только традиционный уклад жизни, но и заметно повлияли на развитие устного народного творчества. В связи с этим и фольклорная традиция калмыков стала формироваться в иных условиях, порой приводила к консервации некогда традиционных народных знаний, как это случилось с архаическими представлениями о еже, издавшем указ о брачных отношениях среди калмыков. Но и эти рудименты позволили провести реконструкцию с опорой на комплексы мифо-ритуальных представлений о семейно-родовых, свадебных традициях соплеменников калмыков – ойратов Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, а также выявить типологические параллели с народами Южной Сибири и архаическими воззрениями маньчжуров, с которыми ойраты некогда находились в длительных контактах.

Образ ежа в устной традиции калмыков коннотирует с семейно-родовыми обычаями и свадебной обрядностью. Мифо-ритуальный комплекс, связанный с ежом, свидетельствует о некогда единых представлениях калмыков России, ойратов Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. В современных свадебных обрядах калмыков присутствует обязательный элемент архаического ритуального комплекса – цветные ленты-подвески (*өлгүц*), символизировавшие испрашиваемую душу ребенка, которые невеста привозит с собой в дом жениха, но мифо-ритуальный смысл данного рудимента, описанный в предании о еже и в комментариях собирателя И. И. Попова, утрачен. Опоясывание черно-белым волосатым поясом (*хошилц*) новой юрты для молодой семьи является неотъемлемой частью свадебного обряда ойратов Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Исследование позволило выявить единые мифо-ритуальные представления о еже, как о культурном герое, обладающем даром антиципации и являющемся миксантропической фигурой; определить

общие корни архаического элемента свадебной обрядности калмыков и ойратов – цветных лент-подвесок «олгу», черно-белого пояса юрты (хошлң) и проследить их трансформацию в новых реалиях.

Литература

1. Басангова Т.Г. Образ Зара Цецена (Ежа Мудрого) как культурного героя в фольклорной традиции калмыков и ойратов Синьцзяна. В кн.: Кульганек И.В. (ред.) *Mongolica–XIX*. St. Petersburg: Петербургское Востоковедение; 2017:34–37.
2. Убушиева Д.В. Мифология ежа в калмыцком фольклоре. *Новый филологический вестник*. 2021;2(57):392–403. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00059>
3. Гура А.В. *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Индрик; 1997:911.
4. Разаускас Д., Цивьян Т.В. Из мифологического бестиария: еж в космогонических преданиях (Балто-Балканский ареал). В кн.: Завьялова Н.М., Казанский Н.Н., Цивьян Т.В. (ред.) *Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф, текст*. Санкт-Петербург: Наука; 2005:197–231.
5. Дугаров Б.С. Сакральный мир бурятской Гэсэриады: небесный пантеон и генезис героя: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Улан-Удэ: 2005:44.
6. Шараева Т.И. *Обряды жизненного цикла калмыков (XIX–XXI вв.)*. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар»; 2011:223.
7. Dordzhieva G., Gedevea D., Jun Jie Lim. *Selected fieldwork materials from Bulgan sum. Part I: Songs and Interviews*. Houston: Snowfall Press Publ.; 2025:76 (на англ. яз.).
8. Рассадин В.И. О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках. В кн.: Михайлов Т.М. (ред.) *Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века*. Новосибирск: Наука; 1989:145–152.
9. Неклюдов С.Ю. Маньчжуры. В кн.: Неклюдов С.Ю. (ред.) *Мифы и религии мира*. Москва: РГГУ; 2023:341–346.
10. Захаров И.И. *Полный маньчжурско-русский словарь*. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук; 1875:1135.
11. Damrinzhav B. (ред.) *Dumdadu ulusiyin Šinjiyanggiyin mongyol aradiyin aman üligeryin emkidkel*. Ürümči: Šinjiyanggiyin aradiyin keblelyin хорō; 2006:866 (на письменном ойрат.).
12. Лхагвасурэн Э. *Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX вв.)*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН; 2012:196.
13. Скрынникова Т.Д., Батоева Д.Б. (ред.) *Обряды в традиционной культуре бурят*. Москва: Восточная литература; 2002:222.
14. Убушиева Д.В., Горяева Б.Б., Мирзаева С.В. (ред.) *Инеднты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова: несказочная проза и малые жанры*. Элиста: КалмНЦ РАН; 2021:424 (на калмыцком и русском яз.).
15. Хабунова Е.Э. *Очаг. Обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков*. Элиста: АОр НПП «Джангар»; 2005:206.
16. Позднеев А.М. (ред.) *Калмыcko-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук; 1911:306.
17. Душан У.Д. *Избранные труды*. Элиста: КИГИ РАН; 2016:376.
18. Хабунова Е.Э. (ред.) *Хальмг амн зокъял. Кеерин хураңһу материал*. Элиста: Изд-во Калм. университета; 2024:480 (на калмыцком яз.).
19. Убушиева Д.В. Мотивы космогонического мифа о небесном охотнике и трех маралах в фольклоре калмыков. *Монголоведение*. 2021; 13(3):567–576. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2021-3-567-576>
20. Хангалов М.Н. *Собрание сочинений*: в 3-х т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография»; 2004:508.

References

1. Basangova TG. The image of Zara Cecene (Hedgehog) as a cultural hero in the folklore tradition of the Kalmyks and Oirats of Xinjiang. In: Kulganek IV. (ed.) *Mongolica–XIX*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies; 2017:34–37 (in Russian).

2. Ubushieva DV. Mythology of hedgehog in Kalmyk folklore. *The New Philological Bulletin*. 2021;2(57):392–403 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00059>
3. Gura AV. *Symbolism of animals in the Slavic folk tradition*. Moscow: Indrik Publ., 1997:911 (in Russian).
4. Razauskas D., Tsivyan TV. Glimpses of the mythological bestiary: hedgehog in cosmogonic folktales (Balto-Slavs). In: Zavyalova NM, Kazansky NN, Tsivyan TV. (eds.) *Crossroads of the Baltic: Ethnos, Confession, Myth, Text*. Saint Petersburg: Nauka Publ.; 2005:197–231 (in Russian).
5. Dugarov BS. The sacred world of the Buryat Diaspora: the heavenly pantheon and the genesis of the hero: Summary of Doctor's dissertation (Philology). Ulan-Ude; 2005:44 (in Russian).
6. Sharaeva TI. *Kalmyk life-cycle rites: 19th–21st centuries*. Elista: “Dzhanger” Publ. House; 2011:223 (in Russian).
7. Dordzhieva G., Gedeeva D. and Lim J. (eds.). *Selected fieldwork materials from Bulgan sum. Part I: Songs and Interviews*. Houston: Snowfall Press Publ.; 2025:76.
8. Rassadin VI. On the Tungusic-Manchu elements in Mongolian languages. In: Mikhailov TM. (ed.) *Ethnocultural processes in Southeastern Siberia in the Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1989:145–152 (in Russian).
9. Neklyudov SYu. *Manchus*. In: Neklyudov SYu. (ed.) *Myths and religions of the World*. Moscow: RGSU Publ. House; 2023:341–346 (in Russian).
10. Zakharov II. *Complete Manchu-Russian Dictionary*. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1875:1135 (in Russian).
11. Damrinzhav B. (ed.) *Collection of Folk Tales of the Mongols of Xinjiang China*. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House; 2006:866 (in Oirat writing).
12. Lkhagvasuren E. *Traditional beliefs of the Oirat Mongols (late 19th–early 20th centuries)*. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ.; 2012:196 (in Russian).
13. Skrynnikova TD., Batoeva DB. (eds.) *Ceremonies in traditional culture of the Buryats*. Moscow: Oriental Literature Publ.; 2002:222 (in Russian).
14. Ubushieva DV., Gorlaeva BB., Mirzaeva SV. (eds.) *The Inedita of Kalmyk folklore from the archive of I. I. Popov: Mythological Prose and smaller genres*. Elista: Kalmyk Scientific Center, RAS Publ.; 2021:424 (in Kalmyk and Russian).
15. Khabunova EE. *Hearth. Rituals and ritual folklore of the Kalmyk life cycle*. Elista: “Dzhanger” Publ. House; 2005:206 (in Russian).
16. Pozdneev AM. *Kalmyk-Russian dictionary as a guide to learning Russian in Kalmyk primary schools*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ.; 1911:306 (in Russian).
17. Dushan UD. *Selected works*. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS Publ.; 2016:376 (in Russian).
18. Khabunova EE. (ed.) *Kalmyk folklore. Collection of expedition materials*. Elista: Publ. House of Kalm. University; 2024:480 (in Kalmyk).
19. Ubushieva DV. Cosmogonic myth of heavenly hunter (Sirius) and Three Marals (Orion's Belt): The motifs in Kalmyk folklore revisited. *Mongolian Studies*. 2021;13(3):567–576 (in Russian). <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2021-3-567-576>
20. Khangalov MN. *Collected works*. Vol. 1. Ulan-Ude: Publ. House of JSC “Republican Printing House”; 2004:508 (in Russian).

Сведения об авторе

Убушиева Данара Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела аспирантуры и докторантуры Управления научной и инновационной политики ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова», ORCID: 0000-0002-5547-4006, e-mail: bib.danara@yandex.ru.

About the author

Danara V. Ubushieva, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of Postgraduate and Doctoral Studies, Department of Science and Innovation Policy, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, ORCID: 0000-0002-5547-4006, e-mail: bib.danara@yandex.ru.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 09.11.2025

Поступила после рецензирования / Revised 05.12.2025

Принята к публикации / Accepted 20.12.2025